

Подвижники благочестия

Издание Комиссии по канонизации подвижников благочестия
Череповецкой епархии

Выпуск №1

«03» декабря 2017 г.

«Стяжи чистоту душевную и телесную, тогда и будешь храм чист Богу, жилище Святого Духа! К одному Богу должны прилепляться любовью и в мыслях не разлучаться с Ним; не заниматься суетою, но стараться, как можно, пробираться сквозь пристрастия и суетные воображения к чистоте мысли о едином Боге» (Архимандрит Феофан (Соколов))

**3 декабря по старому стилю/17 декабря по новому стилю
исполняется 185 лет со дня кончины архимандрита Феофана
(Соколова), настоятеля Кирилло-Новоезерского монастыря**

Архимандрит Феофан был одним из учеников великого старца Паисия Величковского, через которого возобновилось в России древнее учреждение старчества. Сам получив иноческое воспитание на началах старчества, архимандрит Феофан в этих началах воспитал и несколько поколений обновленного им Новоезерского монастыря, а равно и других обителей, находившихся под его руководством. Кроме личных трудов, архимандрит Феофан навсегда будет памятен в летописях русского иночества теми заслугами, которые оказал он в деле духовного обновления русских обителей (Валаама, Тихвинской, Симоновой (московской), Клопской), когда состоял при митрополите новгородском и петербургском Гаврииле.

Отец Феофан, (в миру Феодор Соколов), родился в г. Троице 12 мая 1752 г., в небогатой дворянской семье. Чтение книг духовного содержания вместе с особым расположением к чистой жизни возбудило в душе его желание монашества, но Феодор, по требованию родителей, поступил на службу в Москву, в вотчинную коллегию. Его усердие и способности обещали ему хорошую служебную дорогу, но разразившая в 1771 году московская чума так глубоко потрясла его душу и убедила его в ничтожности земной жизни, что он окончательно удалился от мира, бросил службу и удалился в монастырь. Саровская пустынь, управляемая праведным Ефремом, с ее строгими уставами, недостаточно казалась ему суровою, он искал такого места, где была бы «жестокая жизнь» и наставника в высшей степени требовательного. Такова была Санаксарская пустынь и ее начальник, отец Феодор (Ушаков). Жизнь там напоминала времена первых иноческих общин. Монастырь обнесен был деревянным тыном, церковь была одна, деревянная, со стенами неотесанными и внутри, с волоковыми окнами; служба отправлялась при лучине. Братия ходила в лаптях и балахонах, а каftан был один на всех и надевался лишь при выходе из монастыря. Чтобы очистить души от пристрастия к земным вещам, о. Феодор нарочно давал братии балахоны самые убогие и не по росту. Всенощная длилась семь часов, ночью вокруг тына ходили по очереди иноки. О. Феодор следил за малейшими движениями чувств и мыслей своих учеников. Основными правилами ставил полное отречение своей воли и совершенно не допускал слов: «Я не желаю, не хочу». В монастыре соблюдалось ничем ненарушимое, в полном смысле слова, общежительное житие. В такой-то школе воспитывался и Феодор; здесь изучил он монашескую азбуку: терпение, строгость к себе, безусловное послушание. Во время жизни в Санаксаре Феодор познакомился со святителем Тихоном Задонским, который приглашал его даже остаться в Задонске.

В 1774 г. Феодор Санаксарский, по злобе людей на нeliцеприятие его и заступничество за обиженных крестьян, был сослан в Соловецкий монастырь. Феодор Соколов перешел, после трехлетней жизни в Санаксаре, во Введенскую Островскую (близ г. Покрова, Владимирской губ.) пустынь и здесь находился под руководством настоятеля о. Клеопы, который был постриженник афонский и долго упражнялся там в высшем молитвенном делании с о. Паисием Величковским. Перейдя в Россию и, после некоторого времени, назначенный во Введенскую пустынь, о. Клеопа ввел в ней общежительный афонский устав, чинную службу. Сам он проводил жизнь в

постоянной молитве и богомыслии, братиею же управлял любовью кроткою и прощающею; заботился не столько об упражнении ее в суровых постах и трудах, сколько о водворении смирения, незлобия, миролюбия. И здесь, у такого наставника, дополнено было иноческое воспитание Феодора и, уже привыкший в Санаксаре к суровому долгму иноческому, здесь научился он высшим добродетелям: чистоте помыслов, духу любви и смирения.

В 1777 г. Феодор отправился в Молдавию вместе с молдавскими иноками, возвращавшимися в свой монастырь. Он надеялся побывать на Афоне, в Палестине и затем поселиться у старца Паисия, но когда он пришел в Молдовлахию, в Тисманский монастырь, игумен Феодосий удержал его и немедленно постриг с именем Феофана. Тогда Феодору было 25 лет. Под руководством этого старца, ведшего своих учеников к высоким степеням внутренней духовной жизни, и завершилось окончательно монашеское воспитание о. Феофана.

В 1782 г. о. Феофан прибыл в Петербург и, предавшись воле Божией, стал с усердием проходить возлагаемые на него послушания. Будучи ключником, он сберег половину тратившихся до него припасов. Его спокойная рассудительность, распорядительность и кротость обратили на него внимание митрополита Гавриила, который взял его в келейники и приблизил его к себе, так что все десять лет службы своей о. Феофан пользовался его неограниченным доверием. Но не хозяйственные поручения составляли главную часть службы о. Феофана. Когда митрополит близко узнал его, он стал во многих делах спрашивать его совета, поручал ему секретные дела, в особенности же сделал его помощником своим в трудах по устроению и обновлению монастырей, большинство которых, после введения штатов, находилось тогда в самом печальном состоянии. Митрополит назначил о. Феофана строителем Моденского монастыря, где он привел в порядок старые и выстроил новые здания, завел чинное богослужение и порядок в жизни братии, так что, по слухам о настояtele, стало приходить в монастырь много новых иноков.

В 1793 г. белозерские жители донесли митрополиту о крайнем упадке древней обители преп. Кирилла Новоезерского и просили назначить опытного настоятеля; митрополит выбрал о. Феофана. Обитель, расположенная на небольшом острове, на озере Новом, была в крайнем запущении. Братии было десять человек, постриженных двое; богослужение отправлял наемный священник, из белого духовенства, скудость была полная, здания падали. За время тридцатишестилетнего управления о. Феофана обитель преобразилась. Обновив дух иноческий, о. Феофан собрал многочисленную братию; заведя чинную службу, привлек богомольцев, возбудил усердие к обители и богатые жертвы. Он обновил и величественно расширил собор, выстроил почти вновь две церкви, воздвиг колокольню, возвел двухэтажные здания келлий и обвел остров на протяжении 250 сажен каменною с башнями оградою, выстроеною на сваях, вбитых в воду, соединил монастырь с ближайшим островом мостом в 140 сажен. Он ввел в обители общежитие, строгий чин богослужений, торжественное отправление служб, столповое пение, непрерывное чтение псалтири, постоянные занятия для братии. Для удобства наблюдения за жизнью иноков, о. Феофан установил жилья в три келлии, чтобы новоначальные находились под присмотром старших. Больше всего старался он управлять посредством убеждения, и поучал братию и наедине, и в полном собрании, после трапезы. Он не любил обличать в лицо, но, заметив недостаток инока, говорил о том в виде общего наставления братии. Его простые, дышавшие убеждением и кротостью поучения, производили неотразимое впечатление. Но сильнее всего действовал его пример. Он не пропускал ни одной службы, исполнял с братиею все послушания, работал на полях, ел в трапезе, носил самую бедную одежду и не имел имущества. При таком управлении старца число иночествующих быстро возросло до 80 человек. Но не на иноков только новоезерских имел влияние о. Феофан. Назначенный благочинным нескольких монастырей, он заботился об их духовном преуспеянии, особенно же плодотворны были его заботы о Горицкой женской обители, которая находилась под управлением благочестивой игумении Маврикии и в которой он бывал несколько раз в год. Приезжая в монастырь, он подолгу, после службы, беседовал с инокинями. Некоторые из бесед ими записаны. Особенно настаивал он на снискании добродетели смирения; о внешних аскетических подвигах, в применении их к Горицкой обители, где были инокини разного звания, о. Феофан держался

мнения, что они должны быть применяемы по мере сил и со вниманием к прежним привычкам инокинь. Кроме иноков, к о. Феофану обращалось много мирских лиц. Он принимал всякого; наставления его имели то свойство, что как будто бы служили поучением скорее самому о. Феофану, чем его собеседнику; и беседою своею старец доводил его до того, что собеседник высказывал сам нужную для себя истину, а о. Феофан служил возбудителем в нем душевной теплоты. Если приезжие желали, о. Феофан по глубокому смирению своему, приходил по их зову в гостинницу; когда же посетитель уходил от него, он всякого провожал до сеней и на крыльца. Многие объясняли ему свое положение в письмах, на которые он отвечал с заботливостью; особенно замечательны письма его к мирским лицам, которые впоследствии стали монахинями горицкими; в них о. Феофан поддерживал первые проявления религиозной ревности, которая впоследствии проявлялась в пламенном чувстве воодушевления. Лиц, живущих в миру, предостерегал от пристрастия к мирским обычаям, объясняя их вред, и внушал верность к Церкви. Слух о трудах о. Феофана дошел и до Петербурга. Государь Александр I пожаловал ему митру и наперсный крест и, по его ходатайству, увеличил штат Новоезерского монастыря.

В 1828 г. о. Феофан сильно ослабел, в праздник Рождества собрал все силы, пришел в трапезу и сказал братии наставление, прося молиться, чтоб ему мирно отойти. Он написал завещание, в котором просит сохранять введенный им устав, и распорядился несколькими рясами и некоторыми книгами — единственное, что он имел, и затем просил уволить его на покой. Назначенный, по его указанию, преемником ему игумен во всем повиновался ему, но о. Феофан вел себя по отношению к нему, как к начальнику. Он еще строже стал исполнять свои прямые обязанности; посещая без пропуска службы церковные, никогда не садился в храме. В конце 1832 г. о. Феофан посетил в последний раз Горицкий монастырь, и беседа его отличалась тою ясностью и спокойствием, которые отличают подвижников при конце их пути. Он вернулся домой больной, и 3 декабря 1832 г. на 81-м году жизни после причастия и елеосвящения, тихо преставился, в присутствии лишь одного келейника своего, произнося имя Господа Иисуса Христа.

Наставления архимандрита Феофана (Соколова)

Жизнь духовная, говорил он, должна быть проста, чистосердечна, кротка, благопокорлива, а паче смиренна. Смирение есть без труда спасение. Смирение сердечное есть первое и главнейшее основание дому душевного и монашеской жизни. Ибо и Христос Сын Божий говорит: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обря-щете покой душам вашим?» (Матф.11, 29).

Спасение, как с одной стороны трудно, неприступно, тяжело; так с другой очень просто и легко. Господь Бог наставит! Научитесь от Меня, говорить Он,—яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Нет ближайшего и надежнейшего пути ко спасению, как смирение, и величайшее тому воздаяние, кто, будучи жесток нравом, приведет себя в смирение. Достигнуть же смирения можно общею сестер молитвою: «спаси Господи и помилуй матушку нашу игуменью, и ее святыми молитвами подаждь нам смирение, терпение, незлобие, любовь нелицемерную, послушание; а игуменья с своей стороны молится: «спаси Господи и помилуй сестер моих, и святыми их молитвами тоже подаждь ми».—Господь Бог всех и научит; никакой мудрец не научит познавать свои недостатки, свои немощи, свои слабости, как Господь Бог; никаких книг не надобно, лишь бы было смирение.

Господь Бог за смирение дает благодать. Один старец говорил с утра до вечера беспрестанно, а другой молчал, один прозорливец сказал об них: который говорил, тот молчание соблюл, а который молчал — празднословец; молчал, да тщеславился сим. С каким ведь намерением, кто что делает, — это важно. Господь Бог наши намерения судит. Наука эта совсем другая, не философия: в мирскую науку вкрадывается тщеславие, а здесь смирение в основе.

Себя возвышать, а всеми пренебрегать, — это дело бесовское, а лучше бы Христово смирение стяжать. «Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» (1Кор. 11, 31). Покуда не достигнешь смирения, в спокойствии быть не можешь никак, все из страсти в страсть, так, как из пропасти в пропасть, враг будет пореветь тебя; а когда будет смирение, так тут все

добродетели; это как цепь священная. Где же гордость, тут тщеславие, вражда, тут смущение, ссоры и зло всякого рода.

С тем жить надобно, чтобы угодить Господу Богу, думать о себе, что мы земля и в землю возвратимся; не долго жить здесь в гостях. Благодарите Господа Бога, что создал нас человеками. Бог продолжает нашу жизнь, чтобы душа наша от всех страстей очистилась; в царство небесное не внидет никакая скверна. Сердце мое страхом Твоим да покроется смиренномудрствующее, да не вознесшееся отпадет от Тебе, Всесвятый! Что бы ни случи-лось, да будет воля Твоя святая! На что нам о будущем много заботиться? Господь Бог лучше устроит о нас, нежели как мы думаем; надобно предавать себя Его святой воле.

Бога далеко искать не надобно, Он везде Сый и вся исполняй, Он в сердце нашем.

Бог с нами теперь! Он, как на небеси, так и на земле; Он видит все дела наши, и знает помышления, и слышит слова.

Проси о любви к Богу и ко всем. «Господи! Сподоби мя любити Тя от всея души моей и помышления, и творити во всем волю Твою! Господи! дажь ли любовь нелицемерную, то есть, не человеческую, но Божескую, безгрешную и бесстрастную. Господи! дажь ми положити начало благое! Призри на мя и помилуй мя, по суду любящих имя Твое! Стопы мои направи по словеси Твоему, и да не обладает мною беззаконие! Избави мя от клеветы человеческия, и сохраню заповеди Твоя. Лице Твое просвети на раба Твоего и научи мя оправданием Твоим! Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом! Приимите наказание, да не когда прогневается Господь».

Ты не чувствуешь милостей Божиих? Все высокоумие, что мы совершенно не прилепились к Господу Богу! все для нас тяжело, все скучно, все в неудовольствии, все в прискорбии, все тягостно. «Яко бремя тяжкое отяготеша на мне, возсмердеша и согниша раны мои».

Если Господь Бог на одну минуту оставит нас, куда мы годимся?

К Царю небесному доступ от нас зависит; во всяком смущении прибегать можно. Говорят: кто на море не бывал, тот усердно Богу не маливался; так и в волнениях житейских: чем больше волнения, тем нужнее прибегать к Богу.

Пред Богом надобно стоять со страхом и трепетом, чтобы как глава, так и мысль были преклонены.

С великим благоговением надобно произносить имя Божие: что мы? червь и прах!

Вместо Бога, мы обращаемся любовью к временными вещам; оставляем Бога, а прилепляемся к твари, занимаем мысли суетным. Если возымеем пристрастие к пище, к одежде, это будет идолопоклонство. А ничего не надобно любить паче Бога. Страйтесь только Бога возлюбить и к Нему единому прилепиться. Помните, что в молитве на шестом часе читаете: не уклони сердца моего в словеса или помышления лукавства, но любвию Твою уязви души наши!

Краткие молитвы архимандрита Феофана (Соколова)

Господи помилуй, Господи не остави мене, Господи дажь ми мысль благу; отыми от мене весь помысл лукавый!

Да святится Имя Твое в нас добрыми нашими делами; да прийдет царствие Твое, чтоб Он царствовал в сердцах наших; да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли: на небеси все исполняют Его волю, то также бы и в нас на земле исполнялась Его Святая воля. Хлеб наш насущный дажь нам днесь, хлеб духовный, который Он дал нам, плоть и кровь Свою. И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого, чтоб избавил нас Сам от лукавого, от нападения его и искушения. Яко Твое есть царство и сила, яко Он всесилен и всемощен, и слава Отца и Сына и Святого Духа.